

НАХОДЧИВОСТЬ.

Прусскій корабельный мастеръ Якимъ Нотенбекъ работаль съ плотниками на верфи у города Кенигсберга. Вдругъ приходитъ слухъ, что на устьѣ рѣки, въ купеческой гавани, загорѣлся голандскій корабль со льномъ.

Якимъ бросился съ своимъ народомъ туда и видитъ, что пламя уже выкидываетъ изъ-подъ палубы. Голандецъ хлопочеть съ своими матросами: прорубиль палубу и льеть въ продухи воду ведрами. Огонь пуще разгорается: такъ и бьетъ вверхъ конскимъ хвостомъ.

Видитъ Якимъ, что дѣло плохо. Подлѣ того корабля стоитъ кораблей видимо-невидимо вдоль всего берега, а на берегу товарные склады и всякіе запасы.

"Топи скорѣе судно!" закричалъ онъ голландцу: "нѣтъ другого спасенія".

Но ни хозяинъ горящаго судна и никто другой не хотѣли слушать этого совѣта. Всѣ

мѣтались, какъ безумные: кто съ топоромъ, кто съ ведромъ, — а пламя хлѣстало во всѣ концы. Ужъ было жарко стоять на суднѣ.

Якимъ толкнулъ одного изъ своихъ плотниковъ въ шлюпку, схватилъ весло и крюкъ и подплылъ къ борту голландскаго корабля. "Руби дыру въ обшивкѣ вплоть у воды!" приказалъ онъ плотнику; тотъ отказался: побоялся отвѣта за чужое судно. Якимъ выхватилъ у него изъ рукъ топоръ, приказалъ ему держаться крюкомъ о бортъ корабля и принялся рубить самъ. Прорубилъ окошко, а потомъ сталъ рубить ниже, пока не хлынула въ него вода. Тотчасъ бросился онъ на судно, гдѣ толпился безтолковый народъ. "Спасайтесь на берегъ! судно тонетъ!" кричалъ Якимъ, "смотрите, судно идетъ ко дну!"

И точно: корабль началъ клониться на бокъ. Тогда народъ очнулся; видитъ, что Якимъ говоритъ правду — и всѣ бросились по сходнямъ на берегъ. Уже съ берега увидѣли они, какъ корабль сталъ спускаться въ воду и сѣлъ на дно, погрузившись до половины мачтъ. Тревога

затихла, огня не стало. Всѣ смотрѣли, разиня ротъ, и спрашивали: "кто это сдѣлалъ? кто затопилъ судно?"

"Я затопилъ", отвѣчалъ мастеръ Якимъ и отправился домой.

Пошелъ говоръ по всему городу. Всякъ судилъ и рядилъ по-своему. А хозяинъ судна подалъ на Якима жалобу въ судъ.

"Что скажешь въ оправданіе свое?" спросили въ судѣ Якима, когда онъ туда былъ вызванъ по обвиненію въ намѣренномъ затопленіи голландскаго корабля, что причинило убытку на сотню тысячъ рублей.

"Что-же было дѣлать?" отвѣчалъ Якимъ судьямъ, "весь лень въ трюмѣ горѣлъ сильнымъ пламенемъ. Огонь уже выбивало во всѣ концы. Залить его ведрами было невозможно. Затушить огонь, закрывъ всѣ люки, хозяинъ не догадался, а еще прорубилъ палубу — и тѣмъ далъ огню еще больше воли. Сошлюсь на всѣхъ: черезъ четверть часа судно стояло-бы все въ огнѣ кругомъ, и не было-бы къ нему никакого приступа, а пламя хлынуло-бы по всей

гавани: посмотрите, какъ тѣсно стоятъ тамъ суда одно подлѣ другого. Погорѣли—бы всѣ корабли, да не спаслись—бы и складамъ на берегу! а кто поручится, что и весь городъ не сгорѣлъ—бы при такомъ пожарѣ? Разсудите по всей справедливости: по людски и по божески: я худа не сдѣлалъ; я спасъ и гавань, и верфи, и весь городъ".

Судьи обсудили дѣло на мѣстѣ: осмотрѣли, гдѣ стояло затопленное судно и другіе корабли; осмотрѣли гавань и береговые склады.

По окончаніи суда, былъ вновь введенъ корабельный мастеръ Якимъ въ судебную залу, — и при всемъ честномъ народѣ объявлена ему отъ начальства и отъ имени города — благодарность.

Хозяинъ затопленнаго судна и купцы, нагрузившіе на него свой лень, почесали затылки, но, подумавъ, подошли къ Якиму и, подавъ ему руки, сказали: "Ты правъ, Якимъ, и дѣло твое правое".